18+

Лётчик Нестеров

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Лётчик Нестеров

Завтрак на траве

«Издательские решения»

Нестеров Л.

Завтрак на траве / Л. Нестеров — «Издательские решения»,

Рецепт хорошей истории: одна рыжая ведьма, один умный рыцарь, много Москвы, два квартала Арбата, один Театр, немного МАИ, смех и слезы добавить по вкусу.Всё смешать, не взбалтывая. Читать перед сном по двадцать страниц.

© Нестеров Л.
© Издательские решения

Содержание

Завтрак на траве 6
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Завтрак на траве

Лётчик Нестеров

© Лётчик Нестеров, 2026

ISBN 978-5-0071-6391-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Завтрак на траве

Юношеская повесть для начинающих пенсионеров.

Февраль 1987 года. Среда

Я шёл по новому Старому Арбату. Фонари тоскливо тлели. Снежная каша путалась в ногах. Старался никому не смотреть в лицо. Встречные пешеходы отвечали взаимностью.

Меня только что выгнали из Студии. Точнее, сам ушёл. Поругался с новой помощницей режиссёра. Мне стало непонятно, как можно одной рукой вещать нам, закатывая глаза к лику Основателя, о высоком, о Храме искусства, и тут же, при нас, в этом же храме, обсуждать «тварь» бухгалтершу и продуктовые наборы без сервелата. Я и спросил — как? Выслушал многое о себе, хотя ничего нового. Ну и ладно.

Не успел у Наташи телефон взять. Она появилась у нас неделю назад. Худенькая, кареглазая, смешливая. Мой вариант. Пару раз её провожал. Она жила у гостиницы Украина. Простая хорошая девочка. Именно от неё я узнал слово «хабалка». Она была не «театральной», ну и я был не «театральный».

Короче говоря, настроение и погода были самые жизнерадостные.

Прошёл было мимо Театра, но остановился у стеклянной афиши и потрогал её, как памятник на кладбище. Потом повернул в сторону Арбатской площади. В общагу ехать не хотелось. Уличная киносводка обещала в Художественном на двадцать часов «Генералов песчаных карьеров». Отлично. И кино в тему — никому ты не нужен, кроме себя.

Впереди меня медленно плыл какой-то здоровенный моллюск в шапке набекрень. Ещё чуть впереди шла высокая девочка с белой собачкой. Вдруг он резко догнал девочку, сильно толкнул плечом в спину прямо в сугроб и пошёл дальше. Она упала на левую руку и тихонько закричала. Я быстро подошёл к ней и поднял. Болонка немедленно вцепилась мне в джинсы.

— Эй, козлик, — вежливо крикнул я в спину уходящему, — че творишь?

Он развернулся и пошёл к нам.

— Чо сказал? — Промокашка, но крупнее. Лет за сорок алкашик. Лицо сизое. Ниже меня на голову. Двигался развязной походкой, типа расслабленной, типа поговорить. Правая рука в кармане. Дальше будет резкий выпад, хорошо, если без ножа. Известный прием с детства. Рефлексы. Слева снизу в скулу. Я даже не ударил, а толкнул. Он упал как сломанный снеговик. Шапка-ведёрко откатилась. Минут десять полежит, вспомнит о правилах этикета в общественных местах, надеюсь, не простудится.

Девушка стояла рядом и тихонько поскуливала, но не плакала. Левая рука у неё висела как пустой рукав. Болонка разрывалась от лая и собиралась покончить со мной немедленно, но поводок был надежным. Рядом с телом остановились две женщины.

— Скорую вызовите, пожалуйста! — сказал я иронично.

Потом забрал поводок у девушки:

— В травмпункт, тут рядом, пошли быстро!

Это был мой район, я всё тут знал, каждый дом. Болонка, увидев поводок в моей руке, сразу стихла — новый хозяин, ну хорошо. Девушка сняла шапочку, подложила под сломанную руку, и мы почти побежали.

— Мне надо бабушке позвонить, — сказала она на ходу, зубы сцепила от боли, — она волноваться будет.

— Потом позвоним, больно?

— Уже не так, спасибо. — Она даже улыбнулась.

Ей было очень больно — глаза выдавали, но она не плакала, что нехарактерно. С виду лет шестнадцать. Рыжая коса уходила под воротник шубки. Кожа бледная тонкая, как у всех, принадлежащих к этой расе. Розовый носик и щёчки, губки бантиком. Детёныш — сразу заклеймил я по привычке. Все мои знакомые имели прозвища, но я не всегда их озвучивал, потому что они редко потом отлипали. Хотя бывали и не обидные.

Травмпункт при поликлинике в Сивцевом Вражке работал круглосуточно. Никого, хотя на улицах сильный гололёд. Нас встретил седой фельдшер, велел девушке снять верхнюю одежду. Она сама не могла, я расстегнул и, стараясь не задеть руку, снял шубку. Шарф она сняла сама. На ней был тонкий свитер и длинная юбка. Толстая тёмно-жёлтая коса до попы. Стройная фигурка, но немножко полненькая, совсем немного, но я люблю худых. Видимо, это моя юношеская травма.

Пришёл врач и повёл её на рентген. Я сидел в пустом коридоре с двумя меховыми изделиями на коленях. Болонка лизала мне пальцы. Благодарила. Собаки понимают людей глубже, чем люди, это общеизвестный научный факт.

Минут через двадцать она вышла из кабинета с загипсованной рукой. Вся детская розовость с неё слетела. Она оказалась чуть младше меня, может на год или два. В глазах всё так же — ни намёка на слёзы. Одел её как ребёнка, просунул руки в рукава, застегнул пуговицы на шубке.

— Спасибо. — Она стеснялась. — Мне бабушке надо позвонить, пожалуйста, она уже потеряла меня.

Фельдшер махнул рукой на приёмную стойку, там стоял телефон. Я снял трубку, она набрала номер. Ответили моментально, и она сказала:

— Бабуля, сейчас приду, прости, пожалуйста, бегу! Да всё хорошо!

Мы вышли, я опустил собачку на землю:

— Меня зовут Андрей. Пойдём, провожу до дома.

— Спасибо вам, тут рядом совсем. Меня Катя. Глупо как всё вышло. Весело погуляли мы с тобой, да, Тася?

Тася занялась своим туалетом.

Через пять минут мы подошли к Катиному дому. Подъезд размером напоминал Елисеевский гастроном. Рядом скучали чёрные Волги. У подъезда высилась Екатерина Великая без короны, словно ушедшая со своего постамента в Ленинграде. Чуть поменьше размером. Всё остальное было — величавость, высокая седая причёска на непокрытой голове, наброшенная на плечи шуба как мантия. Она смотрела на нас, как будто мы сдали Измаил.

— Это моя бабушка, Екатерина Сергеевна, — сказала она. — Бабулечка, это Андрей. Он мне помог.

Бабушка посмотрела на меня, потом на гипс на руке у Кати.

— Это правда не я. Добрый вечер! — Я смотрел на неё с улыбкой. — Там точно бриллианты, сам видел!

— Добрый вечер! Молодой человек, вы настоящий джентльмен. Большое спасибо! Катя, нукак ты, очень больно? Упала так неловко? Пойдемте скорей в дом. — Она была величава, но говорила просто и приветливо. Императрица, что с неё взять.

— Рад помочь, что вы. Желаю, чтобы поскорее зажило и не болело, — сказал я Кате. — Ты — большой молодец! А мне пора бежать!

— Так, — сказала Екатерина Великая, не оборачиваясь, — все идут за мной, никто никуда не бежит!

Сопротивляться мне даже в голову не пришло, и я поплёлся вслед за ними. Может, чаем угостят. В холле сидела консьержка в чине капитана милиции. Она перенесла содержимое

моего студенческого в свой журнал. И мы поехали на лифте прямо в неизвестность, то есть наверх.

На этаже было всего две двери. В коридоре я снова помог Кате раздеться и разуться. Она порозовела, легко коснулась моей руки и сразу ушла в глубины квартиры. Бабушка-императрица слегка удивилась, глядя на это.

— Прошу вас поужинать с нами. Сейчас приедет папа Кати, и после «побежите» по своим делам. Хорошо? — Никакого вопроса не звучало.

— Вам кто-то смеет отказать? — Помог Императрице с шубой, убрал в шкаф.

— Да все! — Рассмеялась она. — Меня игнорируют! Не поверите! Каждый выход Кати вечером — прошу её не ходить одной в темноту — никто не слушает! И вот! Проходите в столовую и располагайтесь, пожалуйста. Мы через минуту вернёмся.

Я зашёл в туалет с хрустальной люстрой и вымыл руки. Всё вокруг было дорогим и добротным — и шкафы с одеждой, и ковры, и диваны, и живопись, и лепнина на потолке. Но всё было старым. Видно было, что одна и та же семья живёт в квартире много лет, может быть, сто. Ещё в большой прихожей, как инородное тело, стояли два огромных книжных шкафа до потолка, рядом с ними стояла стремянка. Вдали в гостиной через арку виднелся белый рояль. Вместо банкетки стояла кухонная табуретка.

Я подошёл к книгам и начал с ними знакомиться. Неизвестных мне книг было немного, только совсем новые издания я раньше не видел. Книги здесь читали. Там же, в шкафах перед книгами, стояло множество фотографий. Свадьбы, дни рождения, бабушки-дедушки, дети разных возрастов, застольные и праздничные фото. Среди лиц увидел одно знакомое. Как интересно. На самой большой цветной фотографии, похожей на афишу, стояла Катя в балетной пачке на пуантах в позе арабеск, её держал за руку красивый мальчик. Обоим лет по двенадцать.

Прозвище Детеныш к ней уже не шло, решил придумать потом другое. Если понадобится. Мои прозвища — хочу приклею, хочу отклею.

Не спрашивая ни у кого разрешения, я достал из шкафа совершенно новую книгу — Игорь Северянин. Стихи. И начал читать. В самиздатовских сборниках встречал пару его поэз. Это его первая книга в нашей стране. Стихи живые, эго прёт, игры со словами, но самоиронии мне показалось мало, или не уловил. Это от моей низкой внутренней культуры, как сказала тетенька сегодня в Студии. Мне простительно. Я из деревни.

Появились Катя и бабушка в домашних платьях.

— Пойдёмте, прошу вас! — Бабушка пошла в столовую, Катя пропустила меня за ней. Столовая тоже была уютная, как музей, там были небольшой стол человек на двадцать, шкафы с красивой посудой, отдельная кухня с плитой и массой кухонных снастей на полках. К ужину ожидалось не менее шести человек. Кухаркой у них служила Мэри Поппинс — красивая молодая женщина в фартуке и косынке. Поздоровался с ней, она оказалась Таней. Вслед за нами вошёл крепкий молодой человек со сломанным носом, лет тридцати. Вот он был с веснушками вполлица, ярко-рыжий. Ганс! Но его звали, конечно, Сергей. Брат Кати. У них в семье был явно дефицит разрешённых имён.

Бабушка села во главе стола, брат и сестра по обе стороны от неё, меня посадили напротив пострадавшей, рядом с Гансом, но со словами:

— Ты мой самый старый знакомый здесь. — Настырно пересел рядом с Катей.

— Папа уже поднимается, — сказала бабушка недовольно. — Андрей, не стесняйтесь. Приятного аппетита!

Я был обычным студентом, и насчёт поесть не стеснялся никогда. Ганс был молчуном. Я люблю таких людей, и завидую им. Но он заговорил первым:

— Катён, расскажи, что стряслось? Всё хорошо сделали? Снимок не дали с собой?

Катя неожиданно живо рассказала короткую, но эпическую сагу об оскорблённой принцессе, о печальном бродячем рыцаре, который постоял за её честь, и наказал негодяя. В моменте, когда её свалил гопник, бабушка внезапно сказала короткое русское слово, подняв мое уважение к ней на недосягаемую высоту. Все стали смотреть на меня, включая Таню, как на Ланцелота. Я застеснялся:

— Да ничего особенного. Я часто патрулирую Арбат. Ты упустила только одну деталь — их было пятеро.

— Смещения нет, гипс положили хорошо, у них налажено, но санитарок нет, — сказала Катя что-то на профессиональном языке. Оказалось, они все врачи — и Ганс, и бабушка, и Катя. Она поступила в прошлом году в Первыймед. Планировала стать педиатром.

Про маму Кати и Ганса не упоминалось ни разу, как будто её не существовало. Ещё у них была старшая сестра Лиза, она жила в Канаде с мужем — нашим торгпредом в Монреале. У неё было трое детей, они вместе прилетали каждый год на месяц в Москву. Катя нянчилась с племянниками с самого раннего возраста. Когда она рассказывала о них, она раскрывалась ещё больше, много жестикулировала, просто и грациозно. Пластика никогда не исчезает, как отпечатки пальцев.

— Ты так хочешь своих детей? — сказал я бестактно громко.

— Да, очень — повернулась она ко мне, и покраснела. Ох уж эти рыжие. Все эмоции сразу отражаются на лице. При этом она не носила конопушки, как положено. Видимо, не сезон.

Среди прочих закусок были блинчики с красной икрой — в это время года и в это время суток я, обычно, такое не ем, но, чтобы не показаться невежливым, пришлось съесть штук шесть-восемь. Мне понадобилось выйти помыть руки, за мной вышла Таня.

— Это вы играете на рояле. Я сразу догадался.

— Обожаю, я же консерваторию закончила. — Она улыбалась моему изумлению. — Ты подумал, я тут работаю?

— Извините. Даже назвал вас про себя Мэри Поппинс — я смутился.

Она рассмеялась:

— Не совсем! — И добавила: — Про маму ребят не спрашивай, пожалуйста. Она умерла четыре года назад. Работала врачом скорой, погибла в аварии.

— Теперь вы за неё?

Она посмотрела на меня серьёзно:

— Кто-то сильно умный у нас завёлся. — Она шутливо дала мне щелбан, вручила гостевое полотенце, и в гостевом туалете я начал мыть гостевые руки.

Входные двери надо закрывать. Они свою не закрыли, и в них вошёл генерал. Он был похож на Шаляпина. Ему не хватало усов. Я как раз вышел из туалета, вытянулся в струнку, выпятил грудь и тихо прокричал:

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор! — И приложил левую руку к невидимой фуражке.

— Здравия… — спокойно сказал генерал-майор медицинской службы. — Ты тут откуда взялся?

Женщины вышли из столовой и изумлённо уставились на нас.

— Завершаю вечерний приём пищи, товарищ генерал-майор, планирую в ближайшие девятнадцать минут убыть в место постоянной дислокации!

— Отставить убывать, пойдём, посидим, — сказал он, отдавая шинель Тане.

Потом протянул мне свою стальную руку лучшего хирурга вооружённых сил. Я пожал её и пошёл за ним в столовую.

— Вы знакомы, что ли? — первая начала говорить бабушка.

Шаляпин поцеловал мать, потом дочь, посмотрел на гипс, погладил Катю по волосам, пожал руку Гансу и улыбнулся Тане.

— Да, виделись, — сказал он.

Ганс встал, вынул из шкафа бутылку коньяка и рюмки. Поставил себе, отцу, бабушке и мне.

Я вежливо отставил в сторону:

— Я не пью, спасибо, и мне на работу с утра.

— Ты же тут где-то рядом в Студии? — сказал генерал Шаляпин.

— Не, я «таперича не то что давеча, я таперича анжинер», в МАИ вернулся, сессию сдал.

— Вот! Возможно, человеком станешь.

— Рад стараться!

— Ладно, хорош. Шучу! Расскажите, что случилось, девочку не уберегли.

Бабушка поджала губы:

— Я говорила, не ходи одна, что толку. Игорь предлагает каждый день погулять. Его мама тоже не понимает… Нет, уходит сама, и…

Катин папа взглядом остановил монолог. Императрица стала немного похожа на Фрекен Бок.

— Игорь убежал бы, — неожиданно сказала Катя. — Андрей меня защитил, отвёз к врачу и вернул домой. — Она это сказала, глядя на отца, но не ему.

Я благодарно погладил её гипс.

— Завтра снимок мне принеси. Надо было сразу забрать.

Я почувствовал себя лишним.

— Сергей Сергеевич, разрешите, пойду. Очень рад со всеми познакомиться. Всё было невыносимо вкусно! Спасибо!

— Спасибо тебе, — сказал он мне просто. — Посиди, если не торопишься. Ты там же, у ветеранов работаешь?

— Нет, никогда не работал, просто выполнял разовые поручения. Пока служил в стройбате.

— Когда уволился? Как Петрович?

— В октябре. Петрович вверх идёт, депутат уже. А вы генерал. Не знал. Поздравляю вас.

Он отмахнулся.

— Ты как попал к нему в спецназ, и в стройбат?

— Меня призвали в учебку, в Ташкент, а через полгода, перед отправкой, комиссовать хотели, я рапорт написал, чтобы дослужить хоть где.

— И тебя прислали в Москву на Киевскую рядом с Театром, — продолжил он за меня.

Они втроем выпили. Бабушка с Таней пошли делать чай. Катя с Гансом внимательно слушали наш разговор.

— Интересные у тебя покровители — он смотрел дружелюбно.

— У меня нет покровителей, к сожалению, я же не стал министром обороны.

— Почему комиссовали? Статья?

— Я в детстве болел, с кровью проблема была.

— С чем? Диагноз?

— Болезнь Вардорфа.

Они с Сергеем переглянулись.

— Так не бывает, Андрей, с такой болезнью обычно даже до десяти лет не доживают. И в МАИ, и в армию вас бы никто не взял, даже если бы вы дожили. Это редкая генетика. Вы помните, что с вами было? — спросил меня Ганс. Бабушка тоже подошла послушать.

— Я простудился, полежал пару дней, кровь носом пошла, не могли остановить, врач не знала, что делать, мы в деревне. Потом начал сознание терять, отвезли в областную. Там, по-моему, тоже никто не знал, что делать, мне набили нос ватой, чтобы кровь не шла, и кололи что-то. Щёки были как шары.

— Глюкозу, наверное. Сколько вам было лет?

— Четыре.

Мой консилиум был озадачен. Бабушка сказала:

— Это не Вардорф, конечно. Это отписка. Он бы умер ещё до больницы. Осложнение после гриппа? У тебя кровь потом начала сворачиваться?

— Да, выздоровел за один день, просто всё прошло за ночь, и потом ничем не болел. — Я постучал костяшками пальцев по стулу. — Максимум насморк. В МАИ взяли, наверное, потому что муж моей тёти меня привёл, а в армию брали — просто не заметили, думаю. В учебке главный врач как увидел выписку, сказал сразу: домой.

— Очень интересный случай, — сказал Ганс тоном ветеринара.

— Меня часто хотят сдать в поликлинику для опытов, — пожаловался я. — Разрешите убыть, товарищ генерал, — мне было неловко от такого внимания к себе. Мне всегда неловко от внимания к себе, если я его сам не привлекаю.

— У тебя есть мой телефон?

— Рабочий? Конечно, если не сменился.

— Звони, если что. Он помнит все телефоны Москвы, — пожимая мне руку, сказал он Кате. — Мессинг!

— И Московской области, — добавил я скромно, и пошёл собираться.

Катя вышла со мной.

— Почему ты не плакала? Тебе же очень больно.

— Я не умею, — сказала она, не глядя на меня. Она хотела что-то сказать ещё, но молчала.

Я хотел использовать армейский юмор: не можешь — научим, не хочешь — заставим, но вслух сказал:

— Ты не хочешь, чтобы я уходил?

Она молчала. Потом кивнула, как первоклассница.

— Хочешь, пойдём погуляем, — предложил я, — может, ещё кого интересного встретим — у тебя же ещё одна рука есть?

— Пойдём!

Катя сбегала переодеться в синий спортивный костюм, я одел на неё шубку. Я мог делать с ней, что хотел:

— У нас в колхозе имени Куйбышева это самый шик, — сказал я ей серьёзно. После её выразительного взгляда пришлось переодеть её в дутую новомодную курточку.

Она заглянула в столовую:

— Я выйду, провожу Андрея.

— Куда? — вскричала бабушка. — Игорь хотел зайти!

— Конечно, пусть заходит — нахально сказала Катя и мы вышли. — Игорь живёт здесь — показала она дверь напротив.

— Значит, не очень хотел гулять.

Мы вышли на свежий воздух, Москва переодевалась перед сном в белую ночную рубашку, Словно скрывая недостатки фигуры, валил густой снег. Взбивал пышные подушки и перины. Непривычно тихо для огромного города. Мы неторопливо вышли на Гоголевский бульвар и спустились до самой Пречистенской набережной мимо бассейна имени города. Топонимика всегда меня занимала. И я довольно много знал, как это работает. Но специально называть какие-то объекты в городе именем этого же города — было выше моего понимания. Канал имени Москвы находился хотя бы в десяти километрах от Центра. Это как назвать в Саратове стадион имени Саратова. Такое было только в бедной Москве.

Мы повернули налево и пошли к Кремлю. Перед Каменным Мостом снова свернули налево и пошли мимо дома Пашкова вверх на Арбат.

Мы разговаривали обо всём, прыгали с темы на тему, смеялись. Она оказалась не такой закрытой и зажатой, какой мне показалась вначале. Но всё же была очень домашней девочкой. Общаться было легко. Я понимал, что дальше ничего не будет. Никто не влюблён по уши и не собирается, и не хочется понравиться. Просто говорили обо всём, что шло в голову. Как попутчики в поезде. У Кати было чувство юмора. Это важно для меня, редко встречается. Мы стали бы друзьями, если бы пообщались подольше.

Когда мы вернулись к её дому, переулки уже крепко спали. Высотка МИДА как дозорная башня охраняла их сон.

Я подумал, что уже могу поступить бестактно и решился.

— Кать, — сказал я менторским тоном. — Мы сейчас с тобой прошли три километра. Такие прогулки поднимают настроение. Час-полтора, а не двадцать минут с Тасей. И потом это помогает в учёбе. Я каждый день хожу минимум по десять километров, читаю в голове книги, стихи, лекции. Это самый лучший способ запоминания. Два зайца.

— Третий заяц — это гнать калории. Я знаю, — спокойно сказала она. — Папина сестра тётя Оля — психолог. Она со мной… работала. Ты снова заботишься обо мне. Но мне не с кем столько гулять.

Это была, конечно, не ловушка, но очень похожа на неё. А как же Игорь? Но вслух я сказал:

— Спокойной ночи! У тебя прекрасная семья. Всем привет!

— Спасибо, — она достала из кармана бумажку и сунула мне в карман куртки.

— Это любовная записка, что ли? Её читают до или после еды? Доктор?

— Вместо. До свидания! — Она убежала в свой Елисеевский.

Я бодро двинулся к метро, и вдруг понял, что не успеваю на переход. Я мог бы спокойно дойти до Сокола пешком, было относительно тепло, но мне к семи часам обратно в Центр, на Шаболовку. Можно было взять такси до общаги. Вышел на Арбат из переулка и, как известный осел, стоял и размышлял, идти мне налево на Смоленскую или прямо на Калининский проспект. Услышал сзади шаги, обернулся — Катя.

— Бабушка за хлебом послала?

— Пойдём обратно, пожалуйста. Я забыла про время. Метро закрыто. Посмотри на часы.

— У меня часы в голове, но я думал, что успею. Они сегодня отстают.

— Таня постелила тебе в гостевой комнате.

— Мне нет смысла ложиться. В шесть часов надо будет уйти.

— Ты пять часов будешь тут снег месить? Идем! — Я понял, в кого пошла Екатерина Великая.

И я пошёл обратно. Утром попытаюсь уйти из этого дома в четвёртый раз.

— Папа же наругает, — сказал я в лифте.

— Папа спит, он никогда нас не ругал. И мама тоже — её лицо не вспыхнуло, не побледнело — никакой индикации.

Мы пришли в квартиру — она сама сняла куртку и сапожки. Одной рукой.

— Викариат — блеснул я эрудицией.

— Сколько же у тебя информации в голове? Тяжело, наверное?

— Там стоят вот такие аккуратные книжные полки. Послушай, пожалуйста, давай сделаем так — я возьму пару книг и почитаю до утра тут на диване. Мне неловко вас напрягать. Я лошадь по гороскопу — они не любят спать в чужих стойлах.

— Знаешь что, конь… — дерзко сказала она. — Дверь в комнату рядом с роялем. Пижама на кровати.

Чётко, по-военному. Не смущалась и не краснела. Дочка генерала! Когда бабушка засыпала, власть в доме менялась. Новая власть тоже удалилась спать, или писать декреты.

Гостевая напоминала комнату в общаге. На четырёх студентов. Во всю стену книги, как в коридоре, в основном классика всех времён и народов. На стене — большая картина явно профессионального или известного художника, портрет женщины лет сорока, отдалённо похожей на бабушку Кати. Большая кровать, стол, зелёная лампа. Свой душ и туалет. Я пошёл помылся. Пижаму одевать не стал. Ганс поделился, видимо. Оделся, вышел в коридор и хотел дочитать Северянина. Но его на полках уже не нашёл. Лежали стопкой популярные журналы Новый мир, Знамя, Дружба народов, толстые от ранее запрещённых произведений. Было много новых изданий — Тендряков, Приставкин, Рыбаков, Оруэлл — это было не моё, Булгаков, Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Шварц, Эрдман — это моё, и тоже было. Я нашёл клад. Не знал, с чего начать. Набрав сокровищ, я вернулся в комнату.

Взял в руки книгу Николая Гумилёва и провалился в неё. Это была лучшая поэзия, после Пушкина и Высоцкого, которых я обожал. Я читал быстро, как обычно, чтобы запомнить побольше. Потом также быстро прочитал небольшой новый томик Мандельштама.

Четверг 2-й день

Ровно в пять утра я беззвучно вышел из комнаты в коридор, и начал одеваться, но был схвачен с поличным:

— Завтракать! — кратко сказала бабушка.

— Вы тоже генерал?

— Нет, всего лишь майор.

Я не понял, шутит она, или нет.

На столе стояли яичница и кофе, лежал бумажный пакет с бутербродами с собой.

— Екатерина Сергеевна, прошу вас!

— Моя мама убила бы меня на месте, если бы я отпустила гостя из дома голодным.

— Спасибо! Мне неудобно. Я ничего плохого вам не сделал. Отпустите!

— Поешь, и отпущу. Ещё раз извинишься — видишь вон половник на стене медный?

— Вижу.

Они необычные люди, конечно.

— Мне показалось, что ваша семья тут сто лет живёт.

— Да, так и есть. Катин пракакойто-то дедушка купил эту квартиру ещё в прошлом веке. После революции ни одну квартиру в этом доме не превратили в коммуналку. Здесь мало таких домов, хотя здесь жили исключительно дворяне.

— Они все, её дедушки, были врачами?

— Да.

— Понятно, у Сергея Сергеевича и фамилия Романов.

— Нет, никакого отношения. Дедушка, который купил эту квартиру, был ещё Роммель — они немцы, а все бабушки русские, — рассмеялась она. — Потом он сменил фамилию на русскую, с намеком. Конечно, от немцев ничего не осталось давно.

— Но Сергей рыжий — я его, честно говоря, про себя прозвал Гансом. И Катя. И Лиза — на фото.

— Ну, ты оригинал, — сказала бабушка, — его так все зовут с детского сада. Он в маму рыжий, как и Катя. Вот их мама, Лиза, была настоящая немка из Казахстана. Переселенцы с Поволжья.

Мы молчали. Пора было идти.

— С вами поговорил — как книгу прочитал. Спасибо!

Бабушка сказала вдруг:

— Катя переживает до сих пор, она окаменела после мамы, ни с кем не общается, выходит только с собачкой погулять. Она вчера впервые что-то рассказывала за столом. Спасибо тебе!

— Я не специально, так получилось.

Мы попрощались, и я пошёл на работу на Шаболовку. Мне нужен был ритм шагов. Я шёл и читал Гумилёва. Всегда, при любой возможности, я старался ходить пешком. В Студию на Арбат из МАИ перемещался только так. В любую погоду. Только обратно ездил на метро. Из Студии до Радио на Шаболовке и обратно на метро не ездил никогда. Экономил пять копеек. Москва, на самом деле, не такой уж большой город, если по нему ходить пешком. Это метро создаёт иллюзию, что город огромный.

На улице было ещё темно, но город уже начинал ворочаться в постели, звенели будильники, включались плиты. Окна в домах постепенно загорались, как светляки в траве, их становилось всё больше. На улице — только уборочные машины и дворники. Приятно наблюдать, когда люди уже работают, а ты ещё гуляешь.

Без пяти семь я был на проходной Радио и пошёл сразу в редакцию Детских передач.

Режиссер Марина Петровна посмотрела на меня внимательно:

— Не спал, опять читал? Глаза больные. Ты — молодец, никогда не опаздываешь.

Студию резервировали за месяцы вперёд. Марина Петровна была ответственным человеком. Всегда всё готово, даже чай. Тексты разлинованы, где надо — пометки. Читать по памяти категорически запрещено. Я начитывал книги уже два года. А она работала здесь лет двадцать. Мы заканчивали запись Капитанской дочки. Оставалась ещё пара сеансов. По двадцать-тридцать страниц в час.

— Гумилёва, — нашёл я оправдание — дали почитать на ночь, давайте я вам прочту.

— Принес бы хоть раз.

— Я постараюсь купить вам.

— Договорились. Спасибо!

Я пошёл и сел за стол. Необходимо записать дубль, чтобы сравнить с предыдущей записью. Важно сохранять единую интонацию, и любое изменение самочувствия и даже настроения влияло на тембр. Чтобы актёры не переигрывали, читать стоя не полагалось.

Стоя озвучивали только фильмы.

Звукооператор кивнул, загорелась табличка «Запись», и я начал читать Шестое чувство, потом Жирафа и ещё несколько стихотворений — звукооператор спокойно смотрел на магнитную ленту и пульт. Марина Петровна тоже не подняла головы. Когда красная табличка погасла — он спросил её что-то. Она сказала — Оставь — видно было по губам. Они послушали ещё раз и по громкой связи режиссёр сказала:

— Начали от синей линии.

После записи она подошла ко мне: — Я покажу Гумилёва, если ты не против, редакторам. Я думаю, уже можно записать цикл. Но могут взять почитать кого-то другого. В любом случае, спасибо за идею.

Я вышел из студии и пошёл на главный этаж в буфет. Около кабинета директора стояла Люба, референт дирекции Радио, и квадратный человек в черном костюме.

— Бесполезняк, Петюня, она замужем! — скабрёзным голосом сказал я.

Чёрный Квадрат резко обернулся. Точнее, это был Куб. Гвардии старший сержант Петрович Пётр Петрович. Над его прозвищем, помню, я не думал ни секунды. Оно прилипло навсегда. Даже жена его так называла. Он владел всеми боевыми искусствами мира. Он мог случайно, задев локтем в метро, убить троих таких, как я, но никогда в жизни не тронул никого пальцем и не наорал. Он убивал взглядом, используя Устав внутренней службы ВС.

Я остановился в трех метрах, опасаясь за свою жизнь. Куб извинился перед девушкой, и сказал ласково:

— Дрыщ, ты запланировал суицид? Иди сюда…

— Зная вашу склонность к неуставным отношениям, я постараюсь воздержаться от контакта с вами.

— Ладно, не бойся, я уже позавтракал.

Я трясущейся походкой подкрался к нему, протянул руку лодочкой издалека, и она сразу попала под каток. Он не сжимал, он просто держал, но кровь из руки ушла.

Куб меня любил. Петюней его могли назвать в лицо три-четыре человека на земле, я был одним из них. Он постоянно меня звал к себе работать в Комитет ветеранов. Я отбивался. Он же порекомендовал меня своей сестре, режиссёру Марине Петровне взять меня сюда на Радио читать книги. В учебке я читал сослуживцам на политзанятиях художественную литературу, в основном Ильфа и Петрова, Марка Твена, О. Генри. Это была его воспитательная идея.

— Так, — сказал он свою любимую фразу, — принять упор лёжа. 10 раз за Петюню, 40 раз за доклад не по форме.

Я тут же рухнул на ковролин коридора Всесоюзного Радио и начал бодро отжиматься. На четвёртом отжимании Куб меланхолично сказал:

— Раз — я отжался ещё семь или восемь раз — Два! Ещё сорок восемь, не теряем темп, курсант!

Референт всё это время молча наблюдала за представлением. Около нас остановились ещё двое знакомых сотрудников.

Я медленно поднялся:

— Что за наваждение… что я делаю… проклятые рефлексы…

Он меня обнял, не сломав ни одного рёбра. Референта позвали из приёмной — журналисты уже подходят. У него интервью. Каток, прощаясь, снова слегка наехал на мою руку:

— Завтра в вашем ДК встреча — придешь.

Это был не вопрос.

— Ты же знаешь, я не хожу, вы — боевое братство, я тут при чем. Я стройбат.

— Знаю, а ты приди, друзей повидаешь. Тебя постоянно вспоминают. Хорошие дела никто не забывает.

В буфете я взял чай и открыл бабушкины бутерброды. Продержусь я ещё часа два. Надо поспать до вечера. Я никогда не любил спать днем. Потом вспомнил — на репетиции в Студию больше ходить не надо. Внутри слегка защемило.

В Студии я работал пять лет. Студия изначально была создана для тех, кто не поступил в Училище, но кто хотел подготовиться и повторить это радостное событие. Я был там единственный, кто в Училище не поступал, и не собирался. Я пришёл туда в 16 лет, сразу после школы, когда переехал в Москву. Студия была действующим театром. Каждую неделю был спектакль. Каждый вечер — репетиции. Труппа человек сорок-пятьдесят. Некоторым даже платили небольшую зарплату. За меня трудовой договор подписала моя тётушка. Трудовая

книжка у меня начиналась с должности — Актёр театра-студии. Дольше меня в Студии был только Наркис — он поступал уже восемь раз и шёл на рекорд и в этом году. Прозвище ему придумали до меня, он всё время хвастался знакомствами с народными артистами и рассказывал, как он целуется с ними при встрече. Настоящее его имя было Ипполит. Он был очень театральным.

В буфете Радио ко мне подошла высокая крашеная блондинка неопределенного возраста:

— Здравствуйте! Вы Голицын Андрей? Меня зовут Снежана Андреевна. Позволите? — Она села ко мне за стол. — Я помощник режиссёра Ивановского, мы хотели бы пригласить вас на пробы. Вы сможете приехать в понедельник к десяти на Мосфильм?

— Доброе утро! К сожалению, нет. Я ушёл из большого искусства. Завтра я планирую спрятаться под брезент в самолёте, и тайно отправиться на Кубу, а там присоединиться к карибским пиратам. Мечта детства.

Она спокойно смотрела на меня, как психиатры смотрят на своих пациентов.

— Мне говорил Игорь Иванович, что вы фрукт… В общем, если вас не вздёрнут на рее, позвоните. — Она положила на стол визитку и ушла.

Я убрал визитку в карман и обнаружил там записку от Кати. Тоже имя и телефон. Визитки только входили в моду. То ни одной, то сразу две. Самодельный прямоугольник, надпись красивым детским почерком с вензелями — Романова Катя и телефон, и ещё одно затушеванное ручкой слово. Слово это было Художник.

Я вышел на Шаболовку и решил поехать на метро, идти пешком до Сокола не хотелось.

В общаге в нашей комнате с лекциями на коленях сидел мой сокамерник Упырь. Вообще-то, его звали Виталя, но у него была какая-то аномалия с веками — они были толстые и складчатые, как у коалы. Когда он пришёл к нам селиться в общежитие, сразу сказал:

— Кто назовёт меня Вий — умрёт на месте.

Он восстановился после армии. Тоже служил, где надо, и шутить с ним никто не хотел.

— Упырь — нормально будет? — невинно спросил его я. Он промолчал. Так и осталось.

— Упыряшечка, дашь пинжак с карманАми завтра в ДК сходить? — взмолился я с порога.

В костюмерную Студии у меня доступа больше нет, а Упырь такой же высокий, как и я.

— Я тоже иду, забыл что ли? А ты-то чего вдруг решил пойти?

— Куба сейчас видел, он велел.

— Он главный теперь везде… Есть костюм с выпускного, я в него не лезу уже. Померь иди, в шкафу, подойдёт — совсем забирай.

Упырь жил с нами с первого курса, когда я вернулся из армии опять на второй, он уже учился на четвёртом. Учёба давалась ему с трудом. Особенно он не любил математика Коши, у которого были не только теоремы, но и всякие случаи Коши, доказательства Коши и прочее, Упырь мечтал построить машину времени и слетать в прошлое, чтобы удавить бедного Коши ещё в люльке.

Костюм подошёл идеально, только рукава пиджака немного коротки и штаны широковаты.

— Спасибо, Упырина! Ты настоящий друг, я тебя поцелую потом, если захочешь.

— Пошёл ты!

Я лёг спать и проспал до семи часов вечера. Что буду делать всю ночь? Читать.

Потом спустился на первый этаж и позвонил из телефона-автомата тётушке Оксане.

Она жила в Крюково с мужем Толяном и сыновьями Кишем и Мишем. Она сестра-близнец моей мамы, а после её смерти стала моим единственным официальным родителем и опекуном. Я в детстве звал её Тётя Мама. Тётушка Оксана вышла замуж за заезжего инженера Анатолия из Зеленограда. Видимо, электронщики в Москве были настолько бесполезны, что их каждый год посылали к нам в колхоз то тяпать свеклу, то убирать картошку, чтобы зря не платить им зарплату.

В отличие от своего мужа, тётя Оксана любила меня, и стала мне настоящей мамой. Толян с трудом переносил мою болтливость и несерьёзность, но уважал, что я с шестнадцати лет зарабатываю сам, и каждое лето после школы помогаю ему строить дом в деревне. Мой дедушка звал его коротко — Жук. За обстоятельность и практичность. У них даже не было детей, пока он не получил квартиру. Потом они сразу состряпали двоих пацанов-погодков, купили дом в деревне Холмы на бетонке, и Жигули четвёртой модели для перевозки стройматериалов.

После школы я год прожил у них, а потом поступил по совету Толяна в МАИ на третий факультет электронщиков-программистов, и поселился в общежитии с названием Икар.

Звонил я тётушке через день. Её телефон я давал везде, где требовали. Тётушка была моим связным, записывала и передавала мне шифровки, то есть звонки, в том числе от девушек, с которыми я иногда знакомился. В общаге, почему-то, не ставили телефоны в комнатах. Я сказал ей, что приеду в субботу к ним повидаться. Мы обычно болтали допоздна, и я никогда не приезжал перед рабочим днём. Она передала — два раза звонили из Студии — просили зайти к Главному.

Потом я пошёл к нашему общежитейскому спекулянту Егорке. Которого за глаза звали Иудушка. У него можно было купить всё — и водку, и джинсы, и даже книги. Он продавал любые вещи, которые имели признаки дефицита. Его комната была похожа на склад. Иудушка показал мне двухтомник Набокова и заломил такую сумму, что дешевле было бы взять ящик водки, и два дня заливать любовь к русской литературе. Сговорились: три рубля — почитать ночью и вернуть. За один том. Он умел делать дела.

В первом томе «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь». Такой плотности прозу я не читал никогда. Даже Достоевский не так ёмок, хотя куда еще. Прочитать это за ночь нереально было даже для меня, поэтому я просто листал и запоминал, не думая, как фотоаппарат. Управился к четырём часам ночи и отрубился. Голова была переполнена. Пока я спал, мозг расставлял прочитанное на полочки, где я потом мог найти, взять и спокойно прочитать.

Пятница 3-й день

В 9 утра я пошёл в институт на лабы и семинары. На лекции мне позволялось не ходить, на практические занятия я ходил всегда, и, в целом, был хорошим студентом. Учился я на отлично по всем предметам, кроме Истории КПСС. Это был очень тяжёлый для меня предмет, хотя я знал все нужные для конспектов работы вождя наизусть, и диктовал однокурсникам ответы на билеты, негуманность текстов царапала мне мозг изнутри. Он был гений безусловно, но его книги и статьи напоминали медицинские справочники — очень подробно о лечении, но ни слова о пациентах. На экзаменах я бекал и мекал, если надо было что-то сказать своими словами, а не цитатами. Четвёрку мне ставили только из-за отличных оценок в зачётке по другим предметам.

Вечером мы с Упырём оделись, как на свадьбу, и пошли в ДК МАИ. Собралось много народу. Несколько сотен участников боевых действий… Некоторые с жёнами, некоторые с протезами и на колясках. На большом стенде висели портреты тех, кто уже не может приходить на такие собрания. Я там стоял почти час, рассматривая фото. Половину или больше из этих парней я знал. Приехал Куб со свитой. Начался концерт с минуты молчания, продолжился короткими выступлениями от горкома райкома и ещё какого-то кома. Потом начались песни, которые зал слушал в основном стоя. Я был там не свой, не воевал, и увствовал себя как приживала. Зря послушал Куба и пришёл.

Потом был банкет. Я сидел в уголке большого буфета ДК, у выхода, с ребятами из нашей учебки, справа от меня сидел Андрей Ковалёв, мой друг, с женой, шикарной блондинкой. Она была беременна. У Андрея вместо левой руки был протез, и он немного хромал. Он был героем. И в прямом смысле. Я к нему ездил в гости в Горький. Его жена — дочь директора большого завода. Ждала его из армии, забрала из госпиталя, и подняла его потом на ноги, во всех смыслах. Я смотрел на них и тихо завидовал. Потом тихонько ушёл до приёма алкоголя.

Суббота 4-й день

Утром в субботу я пошёл пешком на Арбат. Надо зайти в Студию — Главного я обожал. Он меня принимал в труппу. Мне было пятнадцать лет, через месяц исполнялось шестнадцать. Я закончил школу и приехал в Москву жить у тёти. И, слоняясь по городу, увидел объявление и зашёл. Я был наглый и самоуверенный. В коридоре было пусто — новых отказников ещё нет, труппа в отпуске. В большой репетиционной комнате стоял стол и диван. Там сидел наш Главный — известный и любимый артист, с двумя женщинами, они смотрели эскизы декораций.

— Вам кого, молодой человек? — спросил маг, голосом, который нельзя было спутать.

— Я по объявлению — вы диван продаёте? — развязно сказал я. — Только у меня всего восемь рублей.

— Так, — сказал Главный, откладывая трубку, — что ещё расскажешь?

— У вас машину увели, — сказал я неуверенно.

— Это хуже. Можешь что-нибудь почитать?

— Что бы вы хотели? Я могу почитать всё — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин, Маяковский, Пастернак, Гёте, Шиллер, Байрон, Шекспир. Или прозу.

— Давай Гёте.

Я прочитал монолог Мефистофеля в переводе Холодковского. С максимальной патетикой, на которую способен длинноволосый школьник, худой и длинный, как жердь. Я сверкал глазами, и в конце даже прикрыл их для большей силы рукой. Когда открыл глаза, то увидел, что они очень веселились над серьёзным произведением.

— Вы приняты, — сказал Главный. — Приходите 1 августа.

Одна из женщин, режиссёр Мария Петровна, пожилая красивая дама, записала мои данные и номер телефона тётушки, и сказала:

— Это удивительно. У вас литературный выговор — вы занимались у кого-то?

— Я ни разу не был в театре, я из деревни. Ничего страшного? — спросил я голосом Чебурашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.